

Н.П. Таньшина

**ФРАНЦИЯ В ГОДЫ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА
1839–1841 ГГ.: ПО ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ДОНЕСЕНИЯМ
БАРОНА ДЕ БАРАНТА**

Цель статьи заключается в изучении вопросов, связанных с позицией Франции в годы Восточного кризиса 1839–1841 гг. по материалам дипломатической переписки посла Франции в Российской империи в 1835–1841 гг. барона П. де Баранта. Политика Франции на Востоке рассматривается в контексте «европейского концерта» и непростых франко-российских отношений в годы Июльской монархии.

Ключевые слова: Восточный кризис, «европейский концерт», Венская система международных отношений, П. де Барант, Ф. Гизо, король Луи Филипп, император Николай I, паша Египта Мухаммед Али

В 30–40-е гг. XIX в. произошло очередное обострение Восточного вопроса, вызванное усилением центробежных тенденций в многонациональной Османской империи и активной колониальной экспансией европейских держав на Ближнем Востоке. Это время было отмечено усилением влияния России в районе Проливов после подписания Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. и борьбой западных стран, прежде всего Франции и Великобритании, за его упразднение и замену коллективным соглашением всех великих держав. В эти годы Франция, стремившаяся закрепиться в Египте, оказалась после подписания без ее участия Конвенции 15 июля 1840 г. в состоянии международной изоляции, а Европа – острого военно-политического кризиса, поколебавшего европейское равновесие. Именно события Восточного кризиса конца 1830-х – начала 1840-х гг. со всей очевидностью продемонстрировали иллюзорность надежд императора Николая I на скорую гибель Османской империи – «большого человека Европы» – и возможность раздела ее наследства между Россией и Великобританией. Восточный кризис показал также готовность Великобритании и Франции, несмотря на имевшиеся между ними серьезные противоречия, объединяться перед лицом реальной или мнимой «русской угрозы» на Востоке. Именно в ходе событий Восточного кризиса наиболее рельефно проявилось отношение к «фальшивой»

Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры Новой и Новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

Июльской монархии со стороны императора Николая, готового ради исключения Франции из «европейского концерта» пойти на существенные уступки Великобритании в решении проблемы Проливов.

Политике Франции в годы Восточного кризиса 1830–1840-х гг. посвящено большое количество работ как зарубежных, так и отечественных авторов¹. Однако введение в научный оборот малоизученных и малоиспользуемых источников позволяет глубже исследовать весь комплекс этих сложных вопросов. Одним из таких документов является дипломатическая переписка барона Проспера де Баранта, занимавшего в 1835–1841 гг. пост посла Франции в Российской империи². Опубликованная в 1890–1901 гг. в восьми томах под названием «Воспоминания барона де Баранта», она включает в себя как официальную дипломатическую переписку Баранта с министрами иностранных дел Франции, так и его частную корреспонденцию с влиятельными французскими политиками и дипломатами, а также светскими персонами. Все это делает переписку Баранта весьма репрезентативным и ценным источником. Помимо важных сведений по конкретным политико-дипломатическим вопросам, воспоминания и корреспонденция Баранта являются любопытным историческим документом, в котором реконструируется «образ Другого». Его донесения – это реакция умного и проницательного иностранца на новую для него среду и политическую систему; зачастую его письма содержат свежий взгляд на, казалось бы, привычные вещи и явления. В то же время от посла требовалась предельная осторожность в оценках и суждениях. Известно, что его корреспонденция систематически подвергалась перлюстрации, и император Николай I сам читал его письма, даже переписку с супругой. Так, ревнивые упреки г-жи де Барант своему мужу вызвали веселое замечание царя: «Забавно!»³

Назначение на дипломатический пост в Россию барон де Барант получил 11 сентября 1835 г., сменив на этом посту маршала Н.М. Мэзона. Про-

¹ См., например: *Дулина Н.А.* Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980; *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя. Реформы и реформаторы (к. XVIII – н. XX в.). М., 1993; *Шеремет В.И.* Война и бизнес: власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996; *Его же.* Османская империя и Западная Европа, II треть XIX в. М., 1986; *Ancel J.* Manuel historique de la question d'Orient. P., 1927; *Roux Ch.* Thiers et Méhémet Ali. P., 1951; *Hamont P.N.* L'Egipite sous Mehémet-Ali. P., 1843; *Mengin F.* Histoire sommaire de L'Egipite sous le gouvernement de Mehémet-Ali (1823–1838). P., 1839; *Driault Ed.* La Question d'Orient depuis ses origines jusqu' à la grande guerre. P., 1917; *Maunier R.* Bibliografie économique, juridique et sociale de l'Egipite moderne (1798–1916). Cairo, 1989; *Masson P.* Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII-e siècle. P., 1911.

² *Barante P. de.* Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866. T. 1–8. P., 1890–1901. При подготовке этой статьи были использованы материалы шестого тома.

³ *Гернштейн Э.Г.* Судьба Лермонтова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 34–35.

славленному литератору и историку, энергичному администратору наполеоновской эпохи, политику, известному своими умеренно-либеральными взглядами, только что вернувшемуся из Турина, где он занимал пост посла при короле Сардинии, была поручена очень непростая миссия в условиях натянутых русско-французских отношений¹. Напряженность была связана не только с неприятием императором режима, рожденного Июльской революцией, но и с реальными противоречиями, существовавшими между двумя странами, что отчетливо проявилось в ходе событий Восточного кризиса 1839–1841 гг. Можно констатировать, что годы пребывания Баранта на посольском посту прошли под знаком набиравшего обороты Восточного кризиса, который с 1839 г. перерос в общеевропейский конфликт. Освещению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

* * *

Под «Восточным вопросом» в исторической литературе понимается целый комплекс проблем². В 1830–1840-е гг. он явился следствием ослабления Османской империи, что привело к активизации борьбы европейских держав в регионе и конфликту между султаном Махмудом II (правил в 1808–1839) и его вассалом пашой Египта Мухаммедом Али (1805–1849). И если Россия в эти годы стремилась укрепить свое влияние в зоне Проливов и обезопасить свой черноморский берег, то внимание западных держав было приковано к Египту, стремившемуся отделиться от Турции. Этим объясняется, с одной стороны, англо-французское соперничество за господство в Сирии, Ливане и Египте, и, с другой стороны, борьба этих держав за подрыв и уничтожение влияния России на Ближнем Востоке³.

¹ О дипломатической миссии П. де Баранта в России подробно см.: *Таньшина Н.П.* Посольство барона де Баранта в России в 1835 – 1841 гг., по воспоминаниям французского дипломата // *Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 10. М., 2011. С. 83–121; Она же.* «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // *НиНИ. 2010. № 2. С. 184–204.*

² Восточный вопрос – принятое в дипломатии и исторической литературе условное обозначение группы противоречий и проблем в истории международных отношений последней трети XVIII в. – начала 1920 гг. В восточном вопросе выделяют три составляющие: отношения России с Османской империей и европейскими державами по поводу турецкого господства на Балканах и проливах Босфор и Дарданеллы; статус-кво политики России и других держав в так называемых контактных зонах, где владения Турции соприкасались с колониальными владениями других держав; национально-освободительное движение турецких народов Османской империи, находившее поддержку России или других держав. Некоторые исследователи включают в понятие «восточный вопрос» также широкий комплекс политических проблем Среднего Востока и Кавказа, а также Китая и Японии.

³ Подробнее об интересах держав на территории Османской империи см.: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 211–223.

* * *

В начале 1839 г. для европейских держав стало ясно, что кризис на Востоке вспыхнул с новой силой, и спор между османским султаном и его могущественным вассалом грозил нарушением спокойствия всей Европе. 21 апреля 1839 г. турецкие войска под командованием Хафиза-паши перешли Евфрат и вторглись во владения Мухаммеда Али, завоеванные им ранее у османского султана.

В 1841 г. истекал срок действия Ункяр-Искелесийского договора, заключенного на восемь лет, и император Николай I, осознавая «искусственность» русско-турецкой дружбы, а также преувеличивая слабость Османской империи, боялся упустить свою долю в «османском наследстве». 18 сентября 1833 г. в городке Мюнхенгретц, в северной Богемии, между Россией и Австрией была подписана конвенция, по которой обе стороны обязывались поддерживать территориальное *status quo* в Турции. Однако, понимая недостаточность союза с Австрийской империей, Николай I стремился добиться поддержки более сильного партнера, каким могла быть для России Великобритания. Поэтому император решил для начала заключить соглашение с Лондоном об изоляции Франции, а для стимуляции британского интереса к этой инициативе он твердо объявил об отказе от Ункяр-Искелесийского договора при условии замены его режимом Проливов, гарантировавшим безопасность России. Содействовать достижению этих целей должен был барон Ф.И. Бруннов, известный англофил, ставший в августе 1839 г. послом России в Великобритании вместо графа К.О. Поццо ди Борго.

Франция с давних пор стремилась укрепить свои позиции в Египте и оказывала покровительство паше Мухаммеду Али. С формированием во Франции кабинета Адольфа Тьера (существовал с 1 марта по 29 октября 1840 г.) стало ясно, что политика французского правительства относительно Египта осталась прежней и, кроме того, оно стремилось укрепить свои позиции в Сирии, сохранив ее за Мухаммедом Али. Втайне от других кабинетов правительство Тьера попыталось добиться непосредственного соглашения султана с Мухаммедом Али, о чем очень скоро стало известно послу Великобритании в Константинополе лорду Понсонби, а также послу Австрийской империи в Париже графу Рудольфу Аппоньи.

В результате страны-участницы Лондонской конференции поспешили опередить Францию и лишить ее лавров арбитра на Востоке: 15 июля 1840 г. Великобритания, Россия, Пруссия и Австрия подписали конвенцию, призванную урегулировать спор между султаном и па-

шой¹. Лондонская конвенция явилась одним из переломных моментов в истории Восточного вопроса. Она не только констатировала принцип закрытия Проливов, изолировала Францию, но и наметила широкую программу нового вмешательства европейских стран в дела Османской империи.

Подписание соглашения без участия Франции резко обострило ситуацию в Европе. Французское общество встретило Лондонскую конвенцию взрывом негодования. Пока в правительстве пытались трезво оценить создавшуюся ситуацию, возмущенные парижане били стекла в британском посольстве и устраивали бурные манифестации на бульварах столицы. Французы уже мечтали о реванше за 1815 г.; в общественном мнении было сильно убеждение, что именно теперь у французов появилась реальная, может быть, единственная возможность трансформировать Венскую систему и не допустить превращения Франции во второстепенную державу. В стране начались лихорадочные военные приготовления².

* * *

События Восточного кризиса привели к обострению и так непростых русско-французских отношений. Французы не без оснований полагали, что главной целью России было разрушение франко-английского «сердечного согласия» и изоляция Франции на международной арене, а Конвенцию 15 июля ее противники именовали не иначе как «договором Бруннова», поскольку посол России в Великобритании всячески содей-

¹ В конвенции указывалось, что договаривающиеся стороны намерены исполнить просьбу султана и принять вместе с ним меры, необходимые для поддержания целостности и независимости Османской империи. Если египетский паша не согласится на предложения, которые ему будут сделаны, то они предпримут военную акцию. С другой стороны, договаривающиеся стороны – Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия – ставили под свой коллективный контроль проливы Босфор и Дарданеллы. Согласно «Отдельному акту» Конвенции, договаривающиеся стороны объединяют свои усилия для того, чтобы побудить Мухаммеда Али согласиться на следующие условия: он должен вернуть султану Крит, святые места, Адану и север Сирии. Взамен этого паше будет отдано «в личное и потомственное в прямой нисходящей его линии управление пашалыком египетским» и в пожизненное владение южной частью Сирии с крепостью Сент-Жан д'Акр (ар. Акка). Эти условия Мухаммед Али должен принять в десятидневный срок после сообщения их ему в Александрии. В случае отказа он лишится пожизненного управления Сирией, но сохранит за собой наследственное владение Египтом. Эти условия паша должен будет принять так же в десятидневный срок. Кроме того, Мухаммед Али должен передать турецкий флот, «со всем его экипажем и вооружением, уполномоченному его приему турецкому чиновнику». Кроме того, вопреки всем дипломатическим обычаям, особым протоколом устанавливалось, что державы приступят к выполнению договора, не дожидаясь его ратификации. Подробно об этом см.: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба. С. 223–267.

² Подробнее об этом см.: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба. С. 228–229.

ствовал ее заключению именно без участия Франции¹. Вице-канцлер К.В. Нессельроде писал во всеподданнейшем отчете за 1840 г.: «Франция не скрывает от себя, что мы явились основной причиной ее политической изоляции в Европе. Она в полной мере оценила наши усилия, чтобы склонить Австрию и Пруссию на нашу сторону...»²

Какова была реакция французского посла, как он оценивал отношение придворного общества и европейских дипломатов к этим драматичным событиям? О содержании Лондонской конвенции Баранту стало известно только спустя неделю после заключения, из письма главы правительства и министра иностранных дел Тьера от 23 июля 1840 г. В ответном письме от 1 августа посол докладывал Тьеру о реакции дипломатов, аккредитованных в российской столице: «На сегодняшний день известия о подписании конвенции составляют предмет всех разговоров членов дипломатического корпуса. Первое впечатление – это своего рода удивление, серьезное беспокойство. Важность событий, их ожидаемые последствия, значительные изменения, которые могут произойти в политической системе Европы, перспективы сохранения мира, скомпрометированного разногласиями между Францией и Англией – об этом думают все, даже те, кто меньше всего склонен к размышлениям».

В этом же письме Барант изложил министру иностранных дел свое видение ситуации. По его мнению, Россия подписала конвенцию исключительно с целью разрушения франко-английского альянса, изоляции Франции и изменения расстановки сил в Европе. Посол полагал, что царь был практически уверен в том, что египетский паша не сможет противостоять объединенным силам Турции и Европы. Он сообщал: «Император надеется, что Мухаммед Али уступит. Тогда все устроится согласно его желаниям. Именно это делает его таким довольным»³. Подписав конвенцию, Россия, по мнению Баранта, продемонстрировала свою «враждебность» и «страстную ненависть» по отношению к Франции. Исходя из этого, делал вывод дипломат, «французское правительство и общественное мнение должны стремиться не к сближению с Россией, а к восстановлению добрых отношений с Англией»⁴. Как видим, в этом вопросе Барант проявил известную дальновидность. В то время как в самой Франции шли массовые военные приготовления, а французы мечтали о реванше за «унизительную» Венскую систему, посол справедливо

¹ Le Moniteur universel. № 338. 1840. 3 décembre.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 9. Л. 223, 223 об.

³ Barante P. de. Op. cit. Т. 6. Р. 465.

⁴ Ibid. Р. 471.

полагал, что франко-английские разногласия носили временный характер и что без участия Франции урегулирование Восточного вопроса вряд ли было возможно.

Что касается Конвенции 15 июля, то ее Барант расценивал в первую очередь не как документ, поставивший Францию вне «европейского концерта», а как соглашение, крайне невыгодное именно для России, более того, как удар по ее национальным интересам. Несколько месяцев спустя, в письме от 1 декабря 1840 г., адресованном уже новому министру иностранных дел Франсуа Гизо, он писал: «Россия отказалась от Ункяр-Искелесийского договора, она не отправила ни одного солдата, ни один корабль для осуществления союзнических акций; она послушно согласилась и подписала все то, что хотела Англия; она отказалась от всякого влияния в Константинополе и Средиземном море»¹.

Как конвенция была воспринята в Петербурге? Спустя месяц после ее заключения, 15 августа 1840 г. Барант сообщал: «Как было легко предположить, договор 15 июля и ужасные последствия, которые из него могут вытекать, беспокоят всех. Наши торговцы, находящиеся здесь, так сильно встревожены, что я должен был их заверить, что даже если мир будет потрясен, что еще не так вероятно, пройдет много месяцев, прежде чем их бизнес окажется под угрозой. Газеты, особенно наши, только добавляют сомнений относительно возможности сохранения мира»².

Посол, однако, искренне надеялся, что общеевропейской войны удастся избежать. Подтверждение этому он усматривал в поведении императора Николая. 15 августа Барант писал Тьеру: «Я не верю, что идея общеевропейской войны, крестового похода против Франции, о которой император мечтал все эти десять лет, неизменно присутствует в его душе. Никакие проекты, никакие принятые меры, никакие косвенные предположения не свидетельствуют о чем-то подобном. Конечно, все это существует в его воображении, но он слишком хорошо понимает, что Австрия и Пруссия далеки от подобных мыслей»³. Как видим, Барант весьма объективно оценивал российского государя как рационального политика, несмотря на всю его страстность и подверженность эмоциональным реакциям. По его мнению, главное, к чему стремился Николай I, – это расстроить англо-французское «сердечное согласие», «проучить» Францию, вынудив ее пойти на уступки. Но даже в эти тревожные дни посол сообщал, что императорское окружение оставалось весьма спокойным, оно не было настроено против Франции, «желало сохране-

¹ Barante P. de. Op. cit. Т. 6. P. 542.

² Ibid. P. 542.

³ Ibid. P. 437.

ния мира и надеюсь, что так оно и будет». Что касается поведения самого государя, то, по словам Баранта, он в эти дни показался ему «скорее удовлетворенным, нежели воодушевленным»¹.

Такая благодушная атмосфера, царившая в российской столице, в конце концов начала беспокоить французского дипломата. 1 сентября он делился сомнениями с Тьером: «Спокойствие, царствующее здесь, в некоторой степени удивляет. Каждый день я задаюсь вопросом, не обманываюсь ли я, видя такое внешнее спокойствие, и не скрываются ли под этим покровом безразличия важные решения и серьезные приготовления?»² Император в эти дни был на маневрах, однако, как доносил Барант, «отнюдь не на берегах Черного моря и не там, откуда можно было направить войска к Константинополю». Такое же спокойствие Барант наблюдал и в политических кругах Санкт-Петербурга: «Двор ничем не возбужден, даже военные. Никто из министров не кажется суетливым. Министр финансов, отсутствующий вот уже три месяца, продлил свое путешествие. Граф Чернышев, военный министр, которого я иногда вижу, безмятежно наслаждается отдыхом, который у него выдался по причине отсутствия императора. Мои светские обязанности почти каждый день сводят меня с Нессельроде. Он не кажется ни опечаленным, ни удрученным. По обыкновению, он избегает общения, и с ним можно поговорить разве что в манере почти официальной...»³ По мнению Баранта, единственное, что беспокоило Нессельроде, – это поиски мирного разрешения Восточного кризиса. Однако, как сообщал дипломат, «письма из Лондона и Парижа укрепили его в надежде сохранить мир. Сведения, которыми он располагает относительно настроений венского и берлинского дворов, должны укрепить это чувство уверенности»⁴. По словам Баранта, вот уже несколько дней вице-канцлер говорит о том, что Мухаммед Али должен пойти на уступки, хотя, как сообщал дипломат, Нессельроде известна негативная реакция египетского паши на Конвенцию 15 июля, о чем последний сообщил в своем письме великому визирю⁵.

Но если эти надежды окажутся иллюзорными, какова будет позиция России? – задается вопросом Барант. По его мнению, Россия в любом случае не примет вооруженного участия в событиях на Востоке: «Я уже сообщал Вашему превосходительству, что правительство и даже император не имеют ни намерения, ни желания отправить войска на Восток, –

¹ Barante P. de. Op. cit. Т. 6. P. 475–476.

² Ibid. P. 494.

³ Ibid. P. 494.

⁴ Ibid. P. 495.

⁵ Ibid.

писал он. – Конвенция 15 июля была желаемая, ожидаемая и подписана исключительно исходя из интересов европейской политики, с целью отдалить нас от Англии [...] Развязать большую войну против Ибрагима¹ в Малой Азии и Сирии – значит подвергнуть там опасности 60-тысячную армию, – такую мысль здесь не допускают. Вне всякого сомнения, отступление от принятых на себя обязательств весьма соответствует натуре императора. Вне всякого сомнения, в нынешних обстоятельствах лорд Пальмерстон может повести его туда, куда захочет. Но такое серьезное предприятие невозможно. Англичане сами этого не желают»². Единственное, что допускал Барант, это возможность появления 30-тысячной русской армии у стен Константинополя с целью его защиты от войск Ибрагима-паши. Однако и эта мера, по словам дипломата, могла носить лишь временный характер. Он выражал уверенность, что император отзовет свои войска по первому требованию стран, подписавших Лондонскую конвенцию³.

Помимо того, Барант отмечал, что английская и французская пресса постоянно мустируют тему «русской угрозы», стремясь убедить общественность обеих стран, что Россия намерена завоевать Константинополь и тем самым разжигают антирусские настроения. Французский дипломат, напротив, пытался убедить свое правительство в том, что «такие намерения отнюдь не были характерны для реальной политики русского правительства»⁴. Барант подчеркивал, что со времен императрицы Екатерины II политика России в бассейне Черного моря заключалась в том, чтобы обезопасить свои южные границы и создать защиту от «варваров», имея в виду татар, которые «совершали набеги и грабежи, вторгаясь вглубь русских земель». «Но завоевать Константинополь – это значит не расширить, а расчленить Российскую империю... Завоевание Константинополя для России будет тем же, чем была для нас наполеоновская империя. Такая политика не является ни эффективной, ни целесообразной», – делал вывод посол⁵.

Действительно, проблема «русской угрозы» постоянно дебатировалась во французском обществе. Так, Одилон Барро, один из лидеров леволиберальной оппозиции, еще до начала военных действий в 1839 г., выступая в парламенте, отметил недопустимость усиления позиций России на Востоке. Подчеркнув, что внутренний конфликт между султаном

¹ Сын Мухаммеда Али.

² *Barante P. de. Op. cit. Т. 6. P. 495.*

³ *Ibid. P. 496.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid. P. 497.*

и пашой вышел за национальные рамки именно по причине вмешательства России во внутренние дела Османской империи, он заявил: «Почему мы так тревожимся из-за спора между Турцией и Египтом? Единственно потому, что его обострение приведет к интервенции российской армии»¹. По мнению Барро, Восточный кризис означал не конфликт между западной и восточной цивилизацией, а конфликт «между цивилизацией западной и цивилизацией русской. Именно для того, чтобы последняя не поглотила первую, мы должны любой ценой не допустить установления господства России в Османской империи и оккупации ею Константинополя»².

В цитированном выше письме от 1 сентября Барант очень тонко подметил суть русско-турецких отношений, верно уловив «искусственность» русско-турецкой дружбы. Французский дипломат отмечал: «... Доминирующее и исключительное влияние России в Константинополе не может продолжаться долго, не вызывая затруднений. Здесь совсем нет русской торговли и навигации, нет русских купцов, обосновавшихся в Константинополе. В состоянии мира, при обычном ходе вещей, этот вопрос не беспокоит Россию. У нее там нет интересов, за которые надо бороться, и подданных, которых надо защищать. Ее имя и ее могущество проявляются там только в случае войны; ее влияние – это скорее угроза, чем постоянное и реальное присутствие»³. Как в свое время верно отметил А.М. Зайончковский, бороться с морскими державами в Османской империи на почве экономического влияния и торговли Россия не могла. Порта могла искать русского покровительства и защиты в момент непосредственной военной опасности, но в остальное время, когда речь шла об исключительно экономических интересах, дружба с Россией не имела для турок особого значения⁴.

По словам Баранта, с большей вероятностью можно было ожидать появления у Константинополя не русского флота, а английского. Однако он выражал уверенность, что лондонский и санкт-петербургские кабинеты не пойдут на этот шаг, и выражал надежду, что конфликт удастся уладить без вооруженного вмешательства⁵. В то же время в этих словах Баранта явно прослеживается недовольство политикой британского кабинета и в первую очередь лордом Пальмерстоном, раздражение против которого во Франции тех дней было очень велико. Барант четко понимал,

¹ *Barrot O. Mémoires posthumes de Odillon Barrot. T. 1–4. P., 1875–1876. T. 1. P. 344.*

² *Ibid. P. 345.*

³ *Barante P. de. Op. cit. P. 498.*

⁴ *Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. В 2-х т. Т. 1. СПб., 2002. С. 241.*

⁵ *Barante P. de. Op. cit. P. 498.*

что именно Великобритания была главной противницей усиления позиций Франции в Египте и Сирии, а император Николай, стремясь изолировать Францию и поделить «османское наследство» без ее участия, в определенной степени дал себя обмануть. Посол сообщал: «Мне неизвестны доподлинно мотивы, проекты и намерения, которыми руководствовался лорд Пальмерстон, подписывая трактат 15 июля. Из Петербурга мне трудно судить, куда могут его завести его желания и самолюбие. Додумается ли он до идеи войны в Европе? [...] Вот то, что нужно учитывать, чтобы строить предположения о поведении санкт-петербургского кабинета [...] Несмотря на страстность императора, несмотря на его приверженность идее крестового похода против Франции, я почти убежден, что его министр (К.В. Нессельроде. – *Н.Т.*) присоединится к политике венского и берлинского дворов...»¹ Как видим, Барант верно подметил: наиболее активно нового соглашения добивались Австрия и Пруссия. Это было связано с тем, что изоляция Франции после заключения Конвенции 15 июля 1840 г. поколебала европейское равновесие и создала напряженную обстановку на континенте. Кроме того, союзные державы стремились подключить Францию к соглашению, поскольку нуждались в общей гарантии режима черноморских проливов. Об этих же настроениях сообщал Баранту его коллега, посол Франции в Вене граф Л.-К. Сент-Олер. Он писал барону 5 октября: «...Австрия и Пруссия очень искренне и живо желают прийти к соглашению, они все сделают для того, чтобы достичь его...» В то же время, отмечал Сент-Олер, позиция этих дворов зависела от линии, которой будут придерживаться Россия и Великобритания. Он писал Баранту: «...всей их (Австрии и Пруссии. – *Н.Т.*) доброй воли может оказаться недостаточно, поскольку, подписав Лондонскую конвенцию 15 июля, они совершили огромную ошибку: поднялись на борт корабля, которым они не управляют. Им предстоит плыть туда, куда укажут Англия и Россия, а, по крайней мере в Лондоне, я не особенно замечаю желания быть сговорчивыми»².

То же самое наблюдение сделал и сам Барант относительно политики российского правительства. Он писал: «...Для того, чтобы Нессельроде следовал этой линии поведения (имеются в виду солидарные действия с Австрией и Пруссией. – *Н.Т.*), надо, чтобы Англия ему это позволила [...] В настоящий момент император – послушный сателлит лорда Пальмерстона»³. Как видим, посол четко осознавал, что главный узел противоречий на Востоке завязался именно между Францией и Велико-

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 498–499.

² Ibid. P. 510.

³ Ibid. P. 498–499.

британией, стремившимися укрепить свое положение в Сирии и Египте, а позиция Николая I в значительной степени определялась его стремлением изолировать Францию, укрепить связи с Великобританией и готовностью ради этого идти на уступки последней.

* * *

Между тем сценарий развития событий на Востоке в очень скором времени подтвердил опасения французского дипломата. В начале сентября 1840 г. англо-австрийский флот и сухопутные англо-турецкие силы предприняли интервенцию в Сирию, направленную как против Мухаммеда Али, так и против Франции. В военных действиях принимали участие английский флот под командованием адмирала Стопфорда, австрийская эскадра, которую возглавлял адмирал Бандьера, и сухопутные англо-турецкие силы. 10 сентября англо-турецкие войска высадились на побережье Ливана севернее Бейрута, в местечке Джунни. 11 сентября Бейрут, наиболее укрепленный пункт в этой стране, был бомбардирован английским адмиралом Нэпиром и оставлен войсками Ибрагима. 11 сентября французский консул в Одессе отправил Баранту депешу об этих событиях, которую посол получил спустя неделю. 25 сентября он сообщал Тьеру о реакции на бомбардировку Бейрута обычно флегматичного вице-канцлера: «Радость Нессельроде была полной. Похоже, он полагал, что подчинение Мухаммеда Али было абсолютным или близким к этому. Он избегал того, чтобы его удовольствие было воспринято как триумф над политикой Франции, и пытался, по крайней мере для формы, сказать пару слов об умеренных советах, которые наше правительство давало паше»¹.

Несмотря на то что бомбардировка Бейрута уничтожила последнюю надежду на примирение, в Петербурге, по словам Баранта, эту новость восприняли, напротив, как залог мира. Посол сообщал: «В целом, это известие вызвало всеобщую радость; утверждали, что мир был гарантирован»².

События на Востоке развивались стремительно: 14 сентября султан объявил Мухаммеда Али вне закона, а в течение октября почти все города на побережье сдались англо-австрийской эскадре.

1 октября Барант сообщил об изменившейся атмосфере в российской столице в связи с отъездом консулов европейских стран из Александрии.

¹ *Barante P. de*. Op. cit. P. 501–502. В конце июля в Александрию Тьером был отправлен граф Велевский, который 25 августа добился того, что Мухаммед Али ограничился требованиями наследственного владения Египтом и пожизненного – Сирией. 30 августа он уехал в Константинополь, где должен был всячески поддерживать новые предложения пашы.

² *Ibid.* P. 502.

По его словам, в Петербурге понимали, что был «сделан важный шаг по пути, который может привести к войне»¹. В то же время он полагал, что, несмотря на эскалацию конфликта, Россия не намерена использовать свои вооруженные силы для его урегулирования. Барант отмечал, что 10–12 тыс. русских войск готовы по первому приказу отправиться к Константинополю из Севастополя, однако в Петербурге «вовсе не говорят о возможности их отправки». Кроме того, по его мнению, в России, как и в Европе, полагали, что с наступлением зимы военные действия на море и суше прекратятся, поэтому державы были заинтересованы прийти к компромиссному решению до наступления холодов. Барант также сообщал, что в столице ходили слухи, будто бы Мухаммед Али болен, и что его смерть также может привести к разрешению конфликта².

В этих непростых условиях посол занял нейтрально-выжидательную позицию. Он докладывал Тьеру: «В обстановке нарастания напряженности я не ишу и не избегаю общения. Я сохраняю хорошие отношения с графом Нессельроде и с членами дипломатического корпуса»³.

Что касается самого вице-канцлера, то Нессельроде, по словам посла, даже не скрывал своей радости, связанной с успешными действиями англо-австрийского флота против Мухаммеда Али. Барант писал Тьеру 17 октября: «радость г-на Нессельроде была совершенно открытой и искренней; однако, со свойственной ему деликатностью и осторожностью, и пытаясь не допустить, чтобы это выглядело как триумф и высокомерие, поскольку могло шокировать Францию, он поздравил себя с тем, что в таких важных обстоятельствах наши взаимоотношения не имели причин для осложнения». Что касается Франции, то, по мнению Нессельроде, у нее «не было никаких оснований для проявления враждебности, до тех пор, пока против нее не был и не мог быть направлен никакой акт агрессии, пока от нее ничего не требовали, пока ни одна держава не имела намерения пренебречь ею». Подводя итог своим размышлениям, вице-канцлер прямо заявил Баранту, что, на его взгляд, вопрос заключается в следующем: «Будет ли Франция воевать со всей Европой ради интересов паши?» Барон, ответив, что пока еще не получил четких инструкций от главы кабинета, сформулировал основополагающие моменты французской политики. Он заявил: «...честь нации, степень ее влияния на мировую политику, ее положение в Европе являются такими же реальными мотивами для войны, как оккупация территории или даже завоевание»⁴.

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 507.

² Ibid. P. 508.

³ Ibid. P. 509.

⁴ Ibid. P. 521.

В этом же донесении Барант проинформировал Тьера о реакции императора Николая на низложение египетского паша. «Я думаю, – сообщал он, – что император еще более живо радуется тому, что оправдались его надежды и что Франция изолирована и лишена того положения, которое она должна занимать в Европе, – это полностью удовлетворяет его страстные амбиции»¹. Николай в это время находился в Царском Селе, поэтому посол не имел возможности его увидеть.

Что касается реакции высшего общества российской столицы, то, по словам Баранта, оно не было настроено антифранцузски. В этом заключалось глубокое убеждение французского дипломата: он многократно подчеркивал, что россияне не разделяли гнева и раздражения императора Николая против Франции, а, напротив, испытывали к ней искренний интерес. Он сообщал: «Мнение русского общества по отношению к нам отнюдь не враждебно. В целом, здесь не любят англичан. Не аплодируют их успехам. Не радуются возможностям, которые невыгодны нам»². По мнению дипломата, в Петербурге полагали, что в разгоревшемся споре не были затронуты непосредственные интересы России: «В нем видели, скорее, ссору между Францией и Англией» – такой вывод делал дипломат³.

В этом же письме Барант описал реакцию членов дипломатического корпуса, которые, по его словам, «не могли с тем же хладнокровием наблюдать за столь сложной ситуацией». Посол Великобритании Блумфельд, по словам Баранта, «...как только выстрелили пушки, как только англичане оказались на полях сражений, отказался от умеренного и примирительного тона». Исходя из этого, доносил Барант, «наши встречи стали отныне бесполезны, и мы избегали друг друга». Что касается поверенного в делах Австрии и представителей второстепенных держав, то они, по словам французского дипломата, «не скрывали своего беспокойства и тревоги». «Они все еще не теряли надежды на сохранение мира, имея лишь один аргумент: не допустить военного кошмара... Они задавались вопросом, насколько задета Франция, какие из ее интересов были под угрозой, какую агрессию или какой удар она была готова отразить? Они утверждали, что нельзя разжигать в Европе военный пожар ради интересов Мухаммеда Али и что, если наше влияние (в Европе. – *Н.Т.*) не было доминирующим, значит, у нас не было причин все ставить на карту, пытаясь установить свое преобладание, завоевав часть Германии. Одним словом, они рассматривали этот вопрос со своей колокольни»⁴.

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 522–523.

² Ibid. P. 523.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 523–524.

Действительно, Восточный кризис в этот момент вышел далеко за свои географические рамки, спровоцировав во франко-германских отношениях Рейнский кризис¹. Как писал О. Барро, «пушки, как говорили тогда, были готовы начать действовать сами»². Посол Великобритании во Франции лорд Гренвилл сообщал из Парижа, что Франция вот-вот откроет военные действия. Посол России во Франции граф П.П. Пален информировал царя в том же духе. В Пруссии народ распевал только что написанную «Стражу на Рейне», а прусский кабинет, опасаясь континентальной войны, срочно готовил объявление о своем нейтралитете.

В двадцатых числах октября Барант получил письмо Тьера, который доводил до сведения посла содержание ноты французского правительства от 8 октября, направленной представителям Франции за рубежом. В ноте заявлялось, что Франция готова принять участие в новом соглашении по делам Востока, основой которого будет принцип двойной гарантии существования султана и паши Египта, но что она не может согласиться с принятием акта отрешения Мухаммеда Али от власти, обнародованного 14 сентября 1840 г. в Константинополе. Попытки лишить Мухаммеда Али его владения тюильрийский кабинет рассматривал как *casus belli*. Этот документ, несмотря на свойственные ему воинственные заявления, был положительно встречен в европейских столицах. В частности, лорд Пальмерстон нашел в нем подтверждение своего мнения о том, что Луи Филипп не вступит в войну из-за Сирии.

Тьер, однако, опасался, что в России реакция на эту ноту могла оказаться болезненной, и поначалу хотел рекомендовать Баранту не доводить ее до сведения санкт-петербургского кабинета. Однако, поразмыслив, он, по его собственным словам, пришел к выводу, что в подобном случае умалчивание также могло вызвать негативную реакцию в России, с учетом того факта, что остальные дворы были проинформированы об этом документе. В этих условиях Тьер счел целесообразным положиться на интуицию своего посла, которому предписывалось действовать в соответствии с обстоятельствами³.

Отвечая 25 октября на депешу Тьера, Барант обрисовал сложную морально-психологическую ситуацию, сложившуюся в Петербурге и связанную с опасениями, что вот-вот разразится война. Он сообщал: «Ди-

¹ Стремясь отвлечь общественное мнение Франции от своих неудач на Востоке, кабинет Тьера в 1840 г. предъявил претензии на прирейнские немецкие земли общей площадью 32 тыс. км², ранее входившие в состав Первой империи и отторгнутые у нее Венским конгрессом в 1815 г. Претензии Франции вызвали обострение ее отношений с Германским союзом. Конфликт разрешился с отставкой правительства Тьера.

² Barrot O. Op. cit. Т. 1. P. 352.

³ Barante P. de. Op. cit. P. 519.

пломатический корпус, русское общество, императорские министры и генералы – все говорят об одном и том же, все опасаются ужасов войны и стремятся убедить себя, что мир будет сохранен»¹. В такой же тревоге, по словам дипломата, пребывал и сам государь. «Нынешние обстоятельства держат его в состоянии сильного напряжения. Каждый день он с беспокойством ожидает новостей из Лондона и Парижа, поздравляя себя с тем, что они оставляют какую-то надежду на сохранение мира. Он вызывает в памяти воспоминания о том, как страдала Европа во время войн эпохи Революции... Сложная ситуация, в коей оказался король (Луи Филипп. – *Н.Т.*), который должен добиться принятия мудрых и осторожных решений, действуя в состоянии возбуждения, царящего во французском обществе, где доминирует мнение, что задета национальная честь; скоропалительная реакция нашего народа и его воинственные настроения; неисчерпаемость ресурсов Франции; расходы, которые позволяет ей ее финансовое состояние, – все это является темой постоянных разговоров императора со своим окружением»².

В результате французский посол счел целесообразным передать копию депеши Тьера вице-канцлеру Нессельроде, который в целом одобрил позицию Франции, отметив, правда, что, по его мнению, в ноте не предлагался какой-либо конкретный путь выхода из кризиса. Барант ответил на это, что в Вене и Берлине над этим активно работали, и выразил надежду, что Россия выступит солидарно с европейскими дворами, дав понять тем самым, что австрийское и прусское правительства были крайне заинтересованы в скорейшем урегулировании конфликта³.

Спустя четыре дня, 29 октября, в письме своему шурину, графу Ф.-К. де Удето, Барант сообщал более откровенно, что в Петербурге настал «критический момент», что все опасались войны, причем войны без единого реального политического повода. «Это будет только шоковая реакция двух национальных самолюбий, возбужденных словами, а не делами, и невозможно поверить, что Франция и Европа могут быть ввергнуты в эту ужасную катастрофу»⁴. В то же время Барант сообщал своей светской приятельнице Доротее де Дино, что «в Петербурге ничего не решают» и «поступят так, как захочет Англия»⁵.

В этот самый день, 29 октября, во Франции произошла смена министерства. Дело в том, что в конце октября Тьер подготовил королю Луи

¹ *Barante P. de. Op. cit. P. 525.*

² *Ibid.*

³ *Ibid. P. 526.*

⁴ *Ibid. P. 530.*

⁵ *Dino Dorothee (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Cronique de 1831 à 1862. T. 1–4. P., 1909–1910. T. 2. P. 393.*

Филиппу проект речи, которую тот должен был произнести при открытии Палат 28 октября. В речи говорилось о возможности войны и просьбе в предоставлении кредита на вооружение 500 тыс. человек. Однако король отклонил это проект, найдя его слишком воинственным; Тьер был вынужден подать в отставку. Было сформировано новое министерство, возглавленное Н. Сультом. Портфель министра иностранных дел получил Франсуа Гизо, давний друг и единомышленник Баранта, как и сам посол, политик умеренный и не склонный к авантюризму. Гизо фактически стал главой кабинета.

Спустя несколько дней после создания министерства, 2 ноября, капитулировал главный оплот Мухаммеда Али в Сирии, крепость Сен-Жан д'Акр. В связи с поражением египетский паша был вынужден отдать приказ о передаче Кандии под власть султана и о возвращении турецкого флота. Ибрагим-паша получил распоряжение отвести свои войска в Египет. Эти меры означали полную капитуляцию Египта перед союзниками. Вся Сирия и Ливан вернулись под власть Османской империи. Передача Сирии под власть султана означала установление контроля Великобритании над этой провинцией. Влияние Франции в Ливане и Сирии было значительно ослаблено.

Как видим, правительство Тьера, заняв противоречивую и непоследовательную позицию, потерпело крупное политическое поражение. Продолжая оставаться в изоляции, Франция не добилась передачи Мухаммеду Али Египта в наследственное, а Сирии в пожизненное владение. Prestиж Франции был сильно подорван как в Константинополе, так и в Александрии. Восстановление этого престижа путем присоединения к союзу четырех держав стало основной задачей французской дипломатии.

* * *

С момента формирования кабинета Сульта-Гизо международная ситуация начала постепенно разряжаться. Устранение от власти Тьера и успехи союзных войск в Сирии открыли возможности для урегулирования англо-французского кризиса.

Приход Гизо на пост министра иностранных дел явился благоприятным фактором для возобновления переговоров между Францией, Великобританией, Россией, Австрией и Пруссией. Союзные державы стремились подключить Францию к соглашению, нуждаясь в общей гарантии режима черноморских проливов. К тому же, изоляция Франции после заключения Конвенции 15 июля 1840 г. поколебала европейское равновесие и создала напряженную обстановку на континенте. Учитывая это, наиболее активно добивались нового соглашения Австрия и Пруссия.

В правящих кругах Пруссии с основанием полагали, что международная изоляция тюильрийского кабинета носила искусственный и временный характер. К тому же, серьезные опасения в Австрии и особенно в Пруссии вызывала милитаризация изолированной Франции¹.

Великобритания была в высшей степени заинтересована в установлении своего преобладающего влияния на Ближнем Востоке. Однако обострение взаимоотношений с Францией было для нее нежелательным, особенно в условиях острых внутривосточных разногласий. Обострение колониальных противоречий между Францией и Великобританией, приведшее к уничтожению «сердечного согласия», носило временный характер, в то время как новая политическая комбинация, сблизившая Лондон и Петербург, в силу борьбы между Россией и Великобританией за преобладающее влияние на Ближнем Востоке, не имела фундаментальной базы и была недолговечна.

В октябре 1840 г., в самый разгар ближневосточного кризиса, Пальмерстон официально уведомил тюильрийский кабинет, что Великобритания не возражает против присоединения Франции к союзу четырех держав, поскольку Форин-офис считал необходимым заключение договора, который мог бы заменить Лондонскую конвенцию 15 июля 1840 г.

«Души сейчас успокоены, хотя еще никто не знает, каким образом и какими путями правительства выйдут из этой трудной и опасной ситуации», – писал Барант в своем первом письме Гизо от 11 ноября 1840 г. Он сообщал, что император «страстно желал сохранить мир». В то же время, по твердому убеждению дипломата, главной целью Николая являлась изоляция Франции. Он полагал, что линия поведения России в ходе Восточного кризиса была продиктована именно необходимостью ослабления Франции. Исходя из этого, по мнению Баранта, Россия медлила присоединиться к австрийскому и прусскому дворам, стремившимся как можно скорее подключить Францию к урегулированию кризиса².

В следующем письме, датированном 1 декабря 1840 г., барон де Барант, сообщая Гизо о бурной и нескрываемой радости, которую вызвало в Петербурге известие о падении крепости Сен-Жан д'Акр, отмечал, что император все еще не спешит дать свое согласие на присоединение Франции к концерту великих держав. По его словам, «император не хотел войны и еще больше опасался того, как бы его не заподозрили в том, будто бы он ее желает». Кроме того, посол отмечал, что при русском

¹ Посол Пруссии в Париже барон Арним в беседе с Гизо выражал надежду, что «Франция приступит к своему разоружению немедленно после разрешения Восточного вопроса». См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 150. Л. 5. Донесение П.П. Палена от 9 (21) января 1841 г.

² *Barante P. de. Op. cit. P. 538–539.*

дворе, несмотря на доминирующую волю императора, не было единства мнений относительно внешнеполитического курса страны. С одной стороны, ближайшее окружение государя выступало против войны, прежде всего по причинам финансового характера. Кроме того, в России с огромным вниманием следили за сведениями из Франции: о ее огромных ресурсах, значительных вооружениях и мощном национально-патриотическом чувстве. Поэтому войну воспринимали как ужасную бойню, в ходе которой Россия хоть и одержит победу, но слишком дорогой ценой, а итогом войны станет «всеобщая катастрофа». С другой стороны, в окружении императора, как сообщал Барант, была группировка, выступавшая за втягивание России в вооруженный конфликт, муссировавшая тему роста французских вооружений и требовавшая укрепления вооруженного потенциала германских государств на фоне набиравшего обороты Рейнского кризиса¹.

Посол, однако, полагал, что с формированием во Франции министерства Сульта-Гизо морально-психологический климат в российской столице значительно поменялся. «С этого момента, – отмечал Барант, – русское правительство уже не сомневалось в том, что мир будет сохранен, и дипломатический корпус откровенно демонстрировал свою уверенность в этом». По мнению посла, эта уверенность основывалась на убеждении, что Гизо должен полностью отказаться от воинственно-авантюристичной политики своего предшественника. Барант, поддерживая внешнеполитический курс Гизо и критикуя политику Тьера, в то же время считал необходимым заявить Нессельроде и членам дипломатического корпуса, что правительство Гизо, стремясь к поиску компромиссного решения, будет вынуждено учитывать возбужденное состояние французского общества, воспринимавшего миролюбивые заявления нового кабинета крайне болезненно и требовавшего защиты национальной чести страны².

В этом же донесении посол поделился с Гизо своими размышлениями относительно последствий Восточного кризиса для России. Подписание Конвенции 15 июля он расценивал как победу британской дипломатии и серьезное поражение России, отказавшейся от выгодного ей Ункьяр-Искелесийского договора. Он писал Гизо: «Россия... послушно согласилась и подписала все, что хотела Англия; она отказалась от всякого влияния в Константинополе, всякого вмешательства в средиземноморские дела. Она отказалась от всяких нынешних и будущих проектов в Центральной Азии». Более того, по убеждению посла, отныне в руках Великобритании был не только Гибралтар; в пределах ее досягаемости

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 540.

² Ibid. P. 541.

оказались и Дарданеллы, откуда она могла нейтрализовать российский флот, дислоцированный в Севастополе, и более того, угрожать России в случае разрыва отношений.

В письме министру иностранных дел от 30 декабря 1840 г., анализируя последствия Конвенции 15 июля 1840 г. для Российской империи, Барант откровенно называл этот договор «одурачиванием» России. И понятно, что «одурачила» ее Великобритания. Сообщая Гизо о русско-английских противоречиях, он прогнозировал: «Рано или поздно эта борьба потрясет Азию и весь мир». Считая, что в событиях Восточного кризиса Россия стремилась, прежде всего, изолировать Францию, Барант в то же время полагал, что если Великобритания предпримет попытку усилить свои позиции в районе Проливов и Константинополе, то это неизбежно приведет к конфликту между ней и Россией. Он писал: «Если Англия будет господствовать в Константинополе в абсолютной и исключительной манере, если она попытается восстановить морскую мощь Турции, отправив туда своих офицеров, одним словом, если она будет упорствовать в своем стремлении стать хозяйкой Дарданелл и обладать монопольной навигацией на Черном море, в России быстро пробудится беспокойство»¹.

Кроме того, «одураченным», по мнению Баранта, оказался и сам император Николай I, который, по словам дипломата, слишком многим пожертвовал, дабы изолировать Францию. Между тем, продолжал барон, было очевидно, что «европейский концерт» без ее участия невозможен; речь шла только об условиях присоединения Франции к странам, подписавшим Лондонскую конвенцию². В этом же письме он сообщил Гизо, что австрийский и прусский послы в Петербурге прилагали всяческие усилия, чтобы подключить Францию к общему соглашению по делам Востока. Исходя из того, что Франция заинтересована в поддержке со стороны немецких земель, Барант рекомендовал Гизо проводить осторожную политику в отношении Германского союза, не разжигая националистических страстей, что особенно важно в условиях Рейнского кризиса³.

Сравнивая остроту франко-русских и франко-английских противоречий, Барант подчеркивал: поскольку политика России была продиктована страстной ненавистью императора по отношению к Франции, французское правительство и общественное мнение должно было ориентироваться не на сближение с Россией, а на восстановление добрососедских отношений с Великобританией. Как видим, посол развивал мысль, со-

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 549–550.

² Ibid. P. 553.

³ Ibid. P. 555.

звучную идеям Гизо: франко-английский разрыв носил временный характер, поэтому «сердечное согласие» должно быть восстановлено, в то время как англо-русские противоречия весьма серьезны¹.

Что касается позиции императора, то со времени начала острой фазы Восточного кризиса, а именно с первых месяцев 1839 г. и вплоть до ноября 1840 г., Баранту ни разу не удалось пообщаться с государем тет-а-тет по вопросам текущей политики. Это объяснялось тем, что царь проводил четкое разграничение между личностью посла и его официальной миссией дипломатического представителя. Как отмечает современная российская исследовательница Т.Н. Гончарова, «обласканный при дворе, посол лишался, однако, возможности исполнять свои обязанности иначе как через посредство российского министра иностранных дел в случаях, когда император избегал затрагивать политические темы в разговорах с ним»².

Даже в ходе светских раутов и придворных торжеств послу в эти месяцы не довелось увидеть Николая Павловича. Однако в письме от 1 декабря он сообщил Гизо, что на одном из балов, устроенных во дворце, ему посчастливилось побеседовать с царем. Именно в ходе этого разговора император, державшийся, по обыкновению, предельно любезно и тактично, впервые за долгие месяцы затронул политические темы. По словам Баранта, царь так поступал всегда, когда хотел сказать то, что послу «надлежало услышать». В ходе этого разговора Николай больше говорил о вопросах внутренней политики Франции, поздравил барона с формированием кабинета Сульта-Гизо, поинтересовавшись, действительно ли его связывает с министром иностранных дел давняя дружба? Выразив надежду на то, что новое правительство окажется более долговечным, он в то же время не мог не заметить, что воспринимает постоянные министерские изменения во Франции как несомненное зло. На попытку Баранта тактично объяснить, что смена кабинетов не означала трансформации государственного курса, император возразил, что, на его взгляд, трудно придерживаться одной и той же линии поведения политикам, имеющим разные предпочтения и политические пристрастия, подчеркивая тем самым разницу между политикой Тьера и Гизо³. В ходе этого разговора Николай даже с некоторым пониманием упомянул о росте вооружений во Франции; как отметил Барант, в глазах государя «...величие страны и государя измерялось количеством солдат»⁴.

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 542.

² Гончарова Т.Н. Французские дипломатическая и консульская службы в России (1814–1848 гг.). Авт. дис...с. канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 17–18.

³ Barante P. de. Op. cit. P. 543.

⁴ Ibid. P. 544.

Из всего этого, заключал Барант, не следовало делать вывод о том, что император был готов изменить внешнеполитический курс России. «Если переговоры продлятся, самое большее, на что мы можем рассчитывать, так это на то, чтобы Россия по окончании кризиса стала бы более миролюбивой и менее враждебной по отношению к нам, не намереваясь идти с нами на сближение», – констатировал дипломат¹.

Что касается восприятия событий Восточного кризиса французами, то об этом Барант весьма откровенно высказался в письме к своему зятю, французскому политику и парламентария А.-Ж. Анисон-Дюперрону. 3 декабря 1840 г. Барант писал ему: «В Париже зачастую верят тому, во что хотят верить, а не тому, о чем пишут люди, видевшие все своими глазами [...] В этот раз нам преподали серьезный урок. Франция за него должна заплатить. Однако я не особенно верю, что Франция выйдет из этой ситуации, убежденной в своей слабости. Может быть, напротив, она сочтет, что показала себя очень сильной [...] Слова нас опьяняют; из патриотизма мы сделали традицию, не осознавая разницы между эпохами и обстоятельствами»².

Как видим, Барант очень точно обрисовал настроения, доминировавшие во французском обществе. Французы в массе своей все еще жили в плену «наполеоновской легенды», идеи могущества и величия Франции, крайне болезненно переживая поражение 1814–1815 гг., а Венскую систему воспринимали не иначе как унижительную и позорную, источник всех бед и несчастий для страны. Эти патриотические чувства были задеты и разбужены в ходе Восточного кризиса, когда французы мечтали о реванше и вновь были готовы воевать со всей Европой, а миролюбивые и умеренные внешнеполитические заявления правительства Гизо воспринимали не иначе как антинациональные и предательские.

Причем такие настроения были свойственны не только рядовым французам, но и людям, стоявшим у власти. Убежденным и пылким сторонникам «наполеоновской легенды» являлся не кто иной, как Адольф Тьер. В письме зятю Барант так отозвался о политике экс-министра иностранных дел: «Я сожалею, что столько таланта и, я бы даже сказал, здравомыслия, были направлены по ложному пути; слишком опасно было все ставить на кон, разыгрывая рискованную сирийскую карту». Барант, однако, выражал уверенность в том, что с приходом к власти правительства Гизо ситуация во Франции и за ее пределами стабилизируется. Он писал: «Слава Богу, когда мы оказываемся на краю пропасти, мы внезапно прозреваем и вновь обретаем разум и благоразумие»³.

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 544.

² Ibid. P. 545.

³ Ibid.

Что касается позиции Тьера, то, отвечая Баранту на его прощальное послание, он в письме от 12 декабря изложил свой взгляд на перспективы русско-французских отношений: «Я отнюдь не рассчитываю на союз с Россией. Нам нечего жаловаться на Санкт-Петербургский кабинет; он честно сыграл свою партию; но мы никогда не будем иметь Россию в качестве союзницы. Протекторат на континенте, к которому Россия стремится больше, чем к протекторату над Константинополем, может быть ею достигнут только при том условии, что она будет опорой для всех стран против французской революции. Россия не откажется от этой роли. Мы есть и будем одиноки»¹. Как видно, в этом отношении взгляды Баранта и Тьера были сходны: подчеркивая роль Николая I как жандарма Европы, Тьер был убежден, что сближение между Францией и Россией было невозможно по причинам как внешнеполитическим, так и идеологическим расхождений.

Положение самого Баранта в российской столице в это время было весьма непрочным; как отмечала Доротея де Дино, поговаривали о его переводе в Лондон². Сам он давно просил об отпуске, однако король Луи Филипп считал целесообразным, чтобы в условиях напряженной международной обстановки посол остался в Петербурге. Гизо, солидаризируясь с мнением короля, писал барону 13 декабря: «До тех пор, пока не будут урегулированы отношения между Портой и пашой, надо следить за тем, что может произойти и что может быть высказано [...] Вам необходимо быть там, где следует наблюдать и договариваться». Гизо предписывал Баранту действовать согласно обстоятельствам и самому принять решение о времени отъезда³.

В этом же письме министр иностранных дел изложил Баранту свое видение путей преодоления кризиса. Он подчеркнул, что Франция должна выйти из состояния изоляции, не желая оставаться в стороне от событий, происходящих в Европе, однако инициатива восстановления ее места в «европейском концерте» должна исходить от стран, подписавших Лондонскую конвенцию. Гизо писал: «Франция является слишком важной силой, чтобы тотчас же не заметить пустоту, образовавшуюся вследствие ее отсутствия. Мы подождем, пока это реально почувствуют и скажут нам об этом. Я испытываю огромное отвращение к фанфаронству, но мы должны спокойно ожидать, сохраняя за собой свободу выбора»⁴.

¹ Barante P. de. Op. cit. P. 546.

² Dino D. Op. cit. T. 2. P. 403.

³ Barante P. de. Op. cit. P. 548.

⁴ Ibid. P. 547.

* * *

В начале января 1841 г. открылась вторая Лондонская конференция по Восточному вопросу. С самого начала возникли разногласия по вопросам о покровительстве христианскому населению Сирии и о форме присоединения Франции к союзу. Разрешение последнего вопроса зависело в основном от территориальной проблемы. Разногласия в лагере союзников позволяли французскому правительству выдвинуть жесткие условия, на основе которых Франция была готова присоединиться к державам, подписавшим Лондонскую конвенцию: инициатива договора должна исходить не от Франции, а от союзных держав; Мухаммеду Али должно быть обеспечено наследственное владение Египтом; вопрос о разоружении Франции не будет поднят¹. Если эти условия будут приняты, то французское правительство готово заключить с четырьмя державами конвенцию по Восточному вопросу.

30 января в Константинополь была отправлена нота, в которой союзники требовали немедленного восстановления Мухаммеда Али в качестве правителя Египта и обещания, что его потомки по прямой нисходящей линии будут назначаться султаном пашами Египта. Это было серьезной уступкой по отношению к Франции, поскольку до сих пор союзники отказывались гарантировать права Мухаммеда Али на Египет.

13 февраля турецкий султан подписал фирман, даровавший Мухаммеду Али и его потомкам наследственное владение египетским пашалыком на условиях, которые сильно ограничивали власть паши в Египте². Мухаммед Али отверг это предложение, а Франция объявила, что не может подписать конвенцию о проливах до тех пор, пока египетский паша не получит удовлетворения.

После того, как итоговый текст конвенции по делам Востока был разработан, документы, согласованные союзниками, поступили на рассмотрение Гизо. Он был крайне раздражен, что в конвенцию не вошло ни одно из предложений Франции³. Однако поскольку основное требование

¹ *Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. T. 1–8. P., 1858–1867. T. 6. P. 97–98.*

² Султан намеревался утверждать каждый раз по своему выбору одного из наследников Мухаммеда Али и требовал, чтобы порядок сбора налогов в Египте определялся Портой, чтобы ¼ часть налогов поступала в турецкую казну, чтобы паша сократил свою армию до 18 тыс. человек и чтобы он не мог назначать ни одного офицера в чине выше капитана.

³ Россия решительно отказалась гарантировать предложенные Гизо неприкосновенность и самостоятельность Османской империи и особый статус Иерусалима; британское правительство отклонило предложение о торговых путях в Азии и о положении христиан в Сирии. Проект конвенции свелся к объявлению, что проливы Босфор и Дарданеллы останутся под абсолютным суверенитетом Турции и будут закрыты для военных судов всех других держав.

Франции – предоставление Мухаммеду Али прав на наследственное владение Египтом – в тексте было учтено, а протокол, извещавший об окончании кризиса, предшествовал заключению новой конвенции, Гизо заявил о согласии Франции присоединиться к союзу четырех держав.

13 июля 1841 г. были подписаны два дипломатических акта: один – Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией; а другой – этими же державами и Францией¹.

В результате подписания конвенций Франция вышла из международной изоляции, однако ее требования относительно статуса Иерусалима, положения христиан в Сирии, нейтралитета торговых путей учтены не были. В то же время, хотя и уменьшенное в размерах, владение Мухаммеда Али обладало теперь гарантиями, которых ему недоставало до кризиса. Это давало Франции возможность усилить противодействие английской политике в Египте, Алжире и даже Испании, где снова усилилось ее влияние. Кроме того, сохранилось и влияние Франции в Сирии, благодаря поддержке христиан, части местных мусульман из черкесов и прочих меньшинств.

Барант узнал о заключении конвенций спустя десять дней, 23 июля. Текст документов был доставлен на борту пакетбота, прибывшего из Любека; вице-канцлер Нессельроде тотчас же переслал один экземпляр французскому дипломату с запиской, в которой выражал свое удовлетворение полученными известиями. Баранту, по его словам, пришлось «приложить немало усилий, чтобы не показать никакого воодушевления, никакой живой радости по поводу того, что мы вновь стали участниками совещания вместе с четырьмя державами». Аналогичный эффект эта новость, как отметил посол, произвела на весь дипломатический корпус².

Царь, по мнению Баранта, также был удовлетворен известием о подписании конвенций. Посол сообщал: «У меня нет никаких оснований полагать, что на императора новости произвели иное впечатление. Его натуре свойственно с нетерпением ожидать развязки событий, в которых

¹ Первым из них был протокол, помеченный 10 июля, в котором заявлялось об окончании турецко-египетского кризиса и приглашении союзниками Франции присоединиться к конвенции о проливах. Второй документ – договор пяти держав, с одной стороны, и Турции – с другой, получивший название второй Лондонской конвенции, регулировал режим черноморских проливов. Согласно конвенции о Проливах, Босфор и Дарданеллы были поставлены под общеевропейский контроль. Подписание второй конвенции и присоединение к ней Франции означало расширение коллективного вмешательства нечерноморских держав в правовой режим черноморских проливов. Таким образом, начиная с конвенции 1841 г., режим Проливов стал регулироваться многосторонними актами, а не соглашениями наиболее заинтересованных держав – России и Турции, как это было до тех пор.

² *Barante P. de. Op. cit. P. 617–618.*

он принимал участие, и которую он рассматривал как закономерную. Ему всегда будет греть душу то обстоятельство, что благодаря ему египетский вопрос разрешился совершенно не так, как того желало правительство короля. По правде говоря, он хотел только этого. Его идеи не распространялись дальше [...] Он хотел надеяться на то, что изоляция Франции будет длительной и что мы будем менее внимательны и осторожны. Однако вот уже два месяца, как он перестал рассчитывать на это удовольствие. Вот к чему его приучила новая ситуация»¹.

Хотя Барант и был убежден, что действиями Николая руководила исключительно страстная и неподдельная ненависть к Франции, государь был не так прост в своих поступках. Как справедливо отмечал отечественный исследователь В.В. Дегоев, Николай I был политиком весьма рациональным и прекрасно понимал, что полная изоляция Франции была невыгодна России и опасна для спокойствия в Европе. Он считал небесполезным ее «проучить» и эксплуатировал возникшие в ходе Восточного кризиса противоречия, не доводя их до широкого вооруженного конфликта².

Как символ постепенной нормализации отношений барон де Барант воспринял прибытие в Кронштадт французского фрегата «Даная» во главе с капитаном Оливье, о чем он сообщил 14 августа. Посол даже сделал предположение о возможности посещения судна императором. По словам дипломата, брат Николая, великий князь Михаил Павлович уже изъявил желание подняться на борт фрегата и «успел пообщаться с французскими офицерами со свойственной ему доброжелательностью». Барант, однако, сомневался, что император посетит «Даная», причем не столько из-за предвзятого отношения к Франции, сколько из-за его постоянного пребывания на маневрах. Посол сообщал: «Император проводит дни и ночи напролет в лагере, и я сомневаюсь, что его занимает что-то другое». Однако он выражал надежду, что капитан Оливье и некоторые из офицеров его команды будут представлены императору. Об этом Барант написал графу А.Х. Бенкендорфу, находящемуся в лагере вместе с императором³. Спустя некоторое время капитан Оливье удостоился чести быть представленным государю. Французский моряк очень понравился Николаю Павловичу, с пиететом относившемуся ко всему, связанному с военной службой и дисциплиной. «Вот такие люди мне симпатичны»⁴, –

¹ *arante P. de*. Op. cit. P. 618.

² *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 242.

³ *Barante P. de*. Op. cit. P. 620.

⁴ *Ibid.* P. 625.

сказал он потом послу. Более того, государь лично показал капитану Оливье порт Кронштадта, продемонстрировал только что построенный форт и флотилию. Путь императора пролегал мимо французского фрегата, однако он, как и следовало ожидать, так и не поднялся на его борт. Как писал Барант, стремясь аргументировать поступок императора, год назад царь отказался посетить английское судно, доставившее в Петербург лорда Кланрикарда, поэтому теперь «он должен был сохранять полное равновесие». Когда государь проходил мимо «Данаи», экипаж судна его торжественно приветствовал, салютовав из сорока пушек¹. Подтверждением того, что отказ посетить фрегат не являлся следствием негативного отношения императора к Франции, по мнению посла, являлся тот факт, что «Данаю» посетили морской министр князь А.С. Меншиков, адъютанты Николая I, а также великий князь Константин, второй сын государя. В целом Барант расценивал визит французского фрегата в Кронштадт как весьма важное событие, подчеркивая, что последний раз французский корабль заходил в порт Кронштадта в 1824 г. Тогда он доставил в российскую столицу французского посла графа де Ла Ферроне. Семнадцать лет назад, как отмечал Барант, этот визит привлек гораздо меньше внимания, и тогдашнему послу был оказан не такой блестящий прием².

Итак, можно было бы сделать вывод, что отношения между Францией и Россией начали входить в нормальное русло. Казалось, вся Европа облегченно вздохнула после только что пережитого кризиса. Нессельроде, вернувшийся в Петербург после десятидневного отсутствия, по словам Баранта, «в некотором роде наивно выражал радость, что у него не было никаких деловых забот. Ему нравится повторять, что письма, которые он получал во время своего путешествия, не содержали никаких новостей, достойных хоть малейшего внимания». В подобном же настроении, как отмечал Барант, сообщая информацию, полученную от П.И. Медема, российского посла в Вене, пребывал и князь Меттерних. «Вот уже тридцать три года, – сказал князь Медему, – я не видел такого спокойствия в душах и такого отдохновения»³.

Барант, однако, не разделял подобного благодушия. По его мнению, Франция не могла ни понять, ни разделить таких настроений. В этом же донесении, как бы извиняясь за отсутствие новостей, он изложил свой взгляд на ситуацию в Европе после урегулирования Восточного кризиса, предоставив Гизо своеобразную аналитическую записку.

¹ *arante P. de. Op. cit. P. 627.*

² *Ibid. P. 628.*

³ *Ibid. P. 621.*

Итак, Восточный кризис развивался по следующему сценарию: «Франция и Англия разобщены. Франция изолирована от великих держав. Задета наша национальная честь, и, как следствие этого, пробуждены наши самые пагубные и самые глубинные страсти. Обе стороны вооружались; страх был всеобщим и становился еще большим вследствие взаимных обвинений». Из этой критической ситуации Европа вышла, по словам Баранта, «более проникнутой идеей мира, чем когда-либо прежде...»¹.

Анализируя позицию России и политику Николая I, Барант особо отмечал, что именно император, желая удовлетворить свое самолюбие, являлся наиболее пылким сторонником изоляции Франции, и, соответственно, как никто другой был ответственен за складывание напряженной ситуации в Европе. Несмотря на то, что после урегулирования Восточного кризиса суть российской политики, в том числе и по отношению к Франции, по словам дипломата, не изменилась, он полагал, что взгляды Николая I «уже не могли быть теми же»².

Что касается Франции, то посол сожалел, что «...эта новая и более спокойная европейская политика реализована в ущерб нам. Договор 15 июля и его исполнение посредством вооруженных сил, не нанеся нам существенного ущерба, стали ударом по принципам, провозглашенным нашим правительством [...] Нам оставалось если не согласиться, то, по крайней мере, принять их как свершившийся факт. Эта травмирующая нас новость разбередила глубокие и все еще кровоточащие раны наших былых поражений».

Барант был солидарен с мнением Гизо об опасностях ситуации изоляции, в которой оказалась Франция, и полагал, что французское правительство смогло выйти из нее достойно: «Сегодня, когда Франция показала себя богатой как своей энергией, так и ресурсами, стабильной и разумной в своей манере поведения, дух недовольства против нее начинает понемногу ослабевать». Кроме того, как и в других донесениях, дипломат сделал вывод о том, что события Восточного кризиса со всей очевидностью продемонстрировали стремление Великобритании к доминированию как в Европе, так и на Востоке. Он писал: «Если все успокоилось относительно наших претензий преобладания в Европе, то скоро у всех откроются глаза относительно идеи господства англичан»³. В этой связи, делал вывод Барант, Франция «...могла стать опорой для держав второго порядка». Как видим, он развивал идею Гизо о Франции

¹ *arante P. de*. Op. cit. P. 621.

² *Ibid*. P. 622.

³ *Ibid*. P. 622.

как одним из центров сил в Европе, созданном в противовес Великобритании, при сохранении общей магистральной линии на «сердечное согласие»¹.

Как и Гизо, Барант был сторонником умеренных, осторожных и постепенных действий. Он писал министру иностранных дел: «Подобное будущее не может наступить сразу. Оно предполагает очень большую осторожность, терпимое поведение, политику одновременно лояльную и сдержанную. Можем ли мы рассчитывать на результат, учитывая бурлящее и клокочущее общественное мнение, учитывая наши министерские и парламентские потрясения?» – эти вопросы Барант ставил уже не перед Европой, а перед самой Францией². Напомним, что посол мог так открыто излагать свое видение современной ситуации и ближайших перспектив, поскольку писал не просто министру, а своему старинному другу и единомышленнику.

В депеше от 22 августа Барант сообщил, что в воскресенье он имел аудиенцию у императора в Петергофе и сообщил ему о своем отъезде в отпуск. В ходе этой встречи впервые после долгого перерыва император, будучи еще более любезен, нежели обычно, завел с послом разговор о делах. «Ну вот, Восточный вопрос разрешен! Этот важный вопрос, который таким сделали и который больше не должен быть таковым. Я надеюсь, что мы больше не будем вмешиваться в турецкие дела. Надо позволить туркам самим вершить свою судьбу» – с такими словами обратился император к послу³. В ответ на реплику Баранта, что Османская империя была в очень сложной ситуации и что ей грозил более или менее отдаленный распад, государь возразил: «Она, конечно, очень больна, но если все согласны ее сохранить, с целью ее укрепления, распад может продолжаться еще очень долго». Вот уж действительно, язык дан дипломатам для того, чтобы скрывать свои мысли! Николай I, как известно, наиболее громко заявлял об Османской империи как о «большом человеке Европы» и спешил получить свою долю в ее обширном наследстве. Летом 1844 г. он совершил визит в Великобританию с целью поделиться с британскими политиками своей идеей – мыслью о возможном распаде Османской империи и англо-русской договоренности относительно ее наследства. В результате путем обмена письмами между К.В. Нессельроде и государственным секретарем Дж.Г. Аберди-

¹ Как известно, в 1840-е гг. Гизо попытался создать под эгидой Франции бурбонскую, или средиземноморскую, лигу, заключить договоры с Бельгией, Пьемонтом и Сардинией, однако эти попытки оказались безрезультатными.

² *Barante P. de*. Op. cit. P. 623.

³ *Ibid.* P. 623–624.

ном удалось заключить подобие консультативного соглашения о разделе Османской империи, из числа участников которого исключалась Франция. Это соглашение являлось исключительно секретным. Британское правительство откликнулось на инициативу Николая в расчете, что крушения Турции не произойдет, тем более что в документах декларировалось желание императора, чтобы Османская империя сохранялась «в нынешнем виде»¹.

Что касается принципа целостности Османской империи, то, понятно, державы выступали в его защиту вовсе не с целью укрепления власти султана. Франция и Великобритания поддерживали эту идею, стремясь не допустить усиления влияния России на Ближнем Востоке. Кроме того, Франция, громогласно выступавшая в защиту этого принципа, трактовала его весьма оригинально, понимая под целостностью Османской империи признание суверенных прав не только султана, но и его вассалов, имея в виду, прежде всего, пашу Египта. Более того, Франция заявляла, что готова защищать этот принцип с оружием в руках, если права Мухаммеда Али будут ущемлены.

Пройдет немногим более десяти лет, и император Николай Павлович забудет свои призывы позволить туркам самостоятельно решать свои проблемы. И эта «забывчивость» обернется для России и для самого государя катастрофой...

Конечно, дипломатичные высказывания российского царя отнюдь не изменили мнения не менее проницательного французского посла относительно целей политики России в Османской империи. Барант справедливо отмечал, что для России главный вопрос заключался в контроле над Проливами. Именно этого России удалось добиться в 1833 г., заключив Ункяр-Искелесийский договор. И именно этого контроля Россия лишилась, заключив Конвенцию 13 июля 1841 г., предусматривавшую режим коллективной гарантии Проливов. Как показали события Крымской войны, эта конвенция не гарантировала безопасность черноморского побережья России, а главную выгоду от ее заключения получила британская дипломатия во главе с лордом Пальмерстоном. «*Status quo* хранителя Дарданелл – это отправная точка русской политики. Только в этом аспекте египетский вопрос может представлять для России реальный интерес [...] Пока речь не идет о Константинополе, происходящее на Средиземном море не представляет для императора большой важности»² – такой вывод сделал французский посол.

¹ Россия и черноморские проливы. (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский и А.В.Игнатъев. М., 1999. С. 141.

² *Barante P. de. Op. cit. P. 625.*

Накануне отъезда Барант многократно виделся с вице-канцлером Нессельроде; расстались они, по словам посла, «с заверениями в доверии и дружбе». Правда, о делах поговорить особо не удалось; Нессельроде лишь только повторял буквально слово в слово то, что Барант уже слышал от императора: необходимо предоставить османскому правительству возможность самостоятельно решать свои внутренние вопросы¹.

Спустя пятнадцать лет граф Нессельроде уйдет в отставку с поста министра иностранных дел, не дожидаясь окончания Крымской войны и поражения России...

* * *

После подписания Лондонских конвенций 1841 г. напряженность в русско-французских отношениях не была преодолена. По словам графа Палена, они оставались «очень натянутыми». Поверенный в делах Российской империи во Франции Н.Д. Киселев сообщал в июле 1841 г., что и после урегулирования кризиса его отношения с королем Луи Филиппом и Гизо «ограничивались простым обменом мнениями и общими рассуждениями»². Французская газета *Le Siècle*, орган династической левой, оппозиционной группы, возглавляемой О. Барро, так писала о позиции России: «Вступление “без кондиций” тюильрийского кабинета в европейский концерт ничего не изменило в природе чувств, которые мы внушаем Санкт-Петербургу»³.

Наверное, самым наглядным подтверждением этого факта стало взаимное понижение уровня дипломатического представительства. Дело в том, что барон де Барант, отправившись в августе 1841 г. в отпуск, так и не вернулся в российскую столицу. В результате дипломатического инцидента, возникшего в двусторонних отношениях в конце 1841 – начале 1842 гг. послы были отозваны⁴. Несмотря на то, что после 1841 г. барон Барант не был в Петербурге, свой посольский пост он сохранил до конца правления Луи Филиппа⁵. В этом отношении слу-

¹ *arante P. de*. Op. cit. P. 629.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 150. Л. 393 об. Донесение Н.Д. Киселева от 17(29) июля 1841 г.

³ *Le Siècle*. 1841. 9 janvier.

⁴ С отъездом осенью 1841 г. графа Палена из Франции, якобы в отпуск, посольство России в качестве поверенного в делах возглавил Н.Д. Киселев. Францию в Петербурге после отъезда Баранта первое время представлял поверенный в делах Огюст Казимир Перье. С середины 1844 г. до конца 1847 г. обязанности поверенного в делах Франции в России выполнял граф де Рейневаль, а после его отъезда – Мерсье. Подробнее о дипломатическом конфликте см.: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба. С. 172–174.

⁵ Официально в отставку он был отправлен только после Февральской революции, 7 марта 1848 г., министром иностранных дел Временного правительства Альфонсом Ламартином.

чай Баранта уникален, поскольку сроки пребывания на дипломатической службе в России среди послов не превышали в среднем восьми лет¹.

* * *

Какой же вывод можно сделать о дипломатической миссии барона де Баранта в России? На мой взгляд, в условиях острого международного кризиса и осложнения как франко-английских, так и франко-русских отношений посол, вынужденный зачастую принимать самостоятельные решения, придерживался весьма взвешенной, продуманной и умеренной линии. В определенной степени он содействовал нормализации отношений между Францией и Россией, не нагнетая напряженности, не педалируя и без того всегда актуальную тему «русской угрозы», которая нашла бы благодатную почву в возбужденном французском обществе. Напротив, он пытался сбить накал страстей, оперировал фактами, а не эмоциями, исходил из реальной ситуации, а не из существующих стереотипов, и тем самым содействовал поиску компромиссного соглашения и формирования благоприятного мнения о России и ее политике во французском обществе.

Что касается Восточного кризиса, то Барант четко понимал, что его урегулирование без участия Франции невозможно и что присоединение Франции к «европейскому концерту» лишь вопрос времени. Лавры победы, по его мнению, достались Великобритании, усилившей свои позиции на Ближнем Востоке и потеснившей там Россию. Российский император, по глубокому убеждению Баранта, стремясь изолировать Францию, допустил серьезный дипломатический просчет, принеся в жертву своему самолюбию и желанию «насолить» Луи Филиппу национальные интересы страны. Политическую линию правительства Сульта-Гизо по урегулированию Восточного кризиса Барант полностью одобрял, выступая за подключение Франции к «европейскому концерту». В то же время, являясь сторонником компромиссного решения международных споров, не относя себя к поклонникам «наполеоновской легенды» и не разделяя шапкозакидательских настроений Тьера, он осознавал важность учета возбужденного состояния французского общества и реваншистских настроений в стране. Будущее Франции он видел в союзе и восстановлении «сердечного согласия» с Великобританией, считая возникшие между двумя странами разногласия временными и преходящими. С Россией же, при всем уважении и симпатии Баранта к истории и культуре этой страны, по его мнению,

¹ Гончарова Т.Н. Указ. соч. С. 16.

у Франции не могло установиться партнерских отношений. И связано это было, по убеждению дипломата, прежде всего с негативным настроем императора Николая I по отношению к Франции и «тлетворному» французскому революционному духу. В то же время Барант не отождествлял мнения императора с отношением к его родине в кругах российской интеллектуальной элиты. Он был убежден, что россияне не разделяли государева гнева, а проявляли глубокий интерес ко всему, связанному с Францией.

Список литературы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 9. [Arkhirv vneshney politiki Rossyskoy imperii (AVPRI). F. 137. Op. 475. D. 9].

Гернштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. [Gernshteyn E.G. Sudba Lermontova. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1986].

Гончарова Т.Н. Французские дипломатическая и консульская службы в России (1814–1848 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2009. [Goncharova T.N. Frantsuzskkiye diplomaticheskaya i konsulskaya sluzhby v Rossii (1814–1848 gg.). Avt. diss... kand. ist. nauk. SPb., 2009].

Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. [Degoyev V.V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700–1918 gg. M., 2004].

Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980. [Dulina N.A. Osmanskaya imperiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (30–40-ye gody XIX v.). M., 1980].

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. В 2-х т. Т. 1. СПб., 2002. [Zayonchkovsky A.M. Vostochnaya voyna 1853–1856. V 2-kh t. T. 1. SPb., 2002].

Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы (к. XVIII – н. XX в.). М., 1993. [Petrosyan I.E., Petrosyan Yu.A. Osmanskaya imperiya. Reformy i reformatory (k. XVIII – n. XX v.). M., 1993].

Россия и черноморские проливы. (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский и А.В. Игнатъев. М., 1999. [Rossiya i chernomorskiye prolivy. (XVIII–XX stoletiya) / Отв. red. L.N. Nezhinsky i A.V. Ignatyev. M., 1999].

Таньшина Н.П. «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // НиНИ. 2010. № 2. [Tanshina N.P. «Zametki o Rossii» frantsuzskogo diplomata barona de Baranta // NiNI. 2010. № 2].

Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. [Tanshina N.P. Politicheskaya borba vo Frantsii po voprosam vneshney politiki v gody Iyulskoy monarkhii. M., 2005].

Таньшина Н.П. Посольство барона де Баранта в России в 1835–1841 гг., по воспоминаниям французского дипломата // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 10. М., 2011. [Tanshina N.P. Posolstvo barona de Baranta v Rossii v 1835–

1841 gg., po vospominaniyam frantsuzskogo diplomata // Rossiya i Frantsiya XVIII–XX veka. Vypusk 10. M., 2011].

Шеремет В.И. Война и бизнес: власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. [Sheremet V.I. Voyna i biznes: vlast, dengi i oruzhiye. Yevropa i Blizhny Vostok v novoye vremya. M., 1996]

Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа, II треть XIX в. М., 1986. [Sheremet V.I. Osmanskaya imperiya i Zapadnaya Yevropa, II tret XIX v. M., 1986].

Ancel J. Manuel historique de la question d'Orient. P., 1927; *Roux Ch.* Thiers et Méhémet Ali. P., 1951

Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866. T. 1–8. P., 1890–1901.

Barrot O. Mémoires posthumes de Odillon Barrot. T. 1–4. P., 1875–1876.

Dino Dorothée (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Cronique de 1831 à 1862. T. 1–4. P., 1909-1910.

Driault Ed. La Question d'Orient depuis ses origines jusqu' à la grande guerre. P., 1917.

Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. T. 1–8. P., 1858–1867.

Hamont P.N. L'Egpte sous Mehémet-Ali. P., 1843.

Masson P. Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII-e siècle. P., 1911.

Maunier R. Bibliografie économique, juridique et sociale de l'Egpte moderne (1798–1916). Cairo, 1989.

Mengin F. Histoire sommaire de L'Egpte sous le gouvernement de Mehémet-Ali (1823–1838). P., 1839.